П. Е. БУХАРКИН

ПРОБЛЕМА КОМИЧЕСКОГО В РУССКОЙ КОМЕДИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В истории русской комедии XVIII века очень важными были 1750—1760-е гг. Это время становления жанра, когда постепенно складываются многие его структурные черты, формируется круг политических тем, создаются образы и типы. Одним из самых значительных произведений данного времени является, без сомнения, фонвизинский «Бригадир», завершающий собою эволюцию комедии 1750—760-х гг., свидетельствующий о переходе русской драматургии от простых к более сложным формам.

В свое время П. Н. Берков писал, что «по сравнению с другими комедиями 1750—60-х годов „Бригадир" при всей серьезности рассматриваемых проблем представляет действительно смешную комедию».[1] И правда, «Бригадир» по-настоящему смешон, и сила его смеха сохраняется до сих пор. При этом веселость пьесы прекрасно уживается с подлинной глубиной, серьезностью, можно сказать, трагичностью поставленных в ней проблем, прежде всего проблемы зла.

Надо сказать, что тема зла занимает очень важное место в структуре комедии. От ее трактовки во многом зависит степень глубины произведения, сила его обличительного пафоса.

До «Бригадира» зло изображалось в русской комедии в двух основных аспектах: как смешное, но тогда лишенное подлинной значительности, нестрашное, или наоборот, как социально и нравственно опасное, угрожающее человеку, но в этом случае носители такого страшного зла могли вызывать страх, ненависть, но никак не смех.

---

[1] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 127.

© П. Е. Бухаркин, 1993

Первый способ обличения зла в высшей степени свойственен ранним комедиям А. П. Сумарокова, таким как «Тресотиниус», «Третейский суд», «Ссора у мужа с женою», некоторым его более поздним пьесам, например комедии «Три брата совместники», раннему «Недорослю» Фонвизина, некоторым пьесам В. И. Лукина («Щепетильник»), «Наказанной вертопрашке» Б. Е. Ельчанинова и др. Отрицательные герои в них разнообразны, олицетворяют разные пороки. Иногда социальные: галломания («Ссора у мужа с женою»), ложное воспитание (ранний «Недоросль»). Иногда нравственные: легкомыслие и безнравственность (у Лукина и Ельчанинова), женские сварливость и упрямство (у Сумарокова). Иногда и то и другое. В любом случае отрицательные персонажи крайне ничтожны; они глупы и невежественны, вызывают лишь презрение и насмешливый гнев. Все они не опасны в том смысле, что зло, носителями которого они являются, мелко и пассивно, не затрагивает основ миропорядка. Злой мир смешон, но не страшен.

Прекрасным примером подобного изображения зла может служить, в частности, комедия А. П. Сумарокова «Ссора у мужа с женою» (1750). Комическое начало явственно ощутимо в пьесе. Для его усиления драматург прибегает к разнообразным приемам. Он вводит фарсовые сцены: жена, бегающая за своим мужем с розгами, случайное ее падение, попытки женихов дочери поднять упавшую мать и т. д. Использует Сумароков и языковые средства, прибегая, например, к макароническому стилю. Вот дочь разговаривает со своим женихом:

Деламида. Любить мужа. Ха! Ха! Ха! Это посадской бабе прилично!

Дюлиж. Против этого спорить нельзя, однако ежели б вы меня из адоретера сделали своим амантом, то б это было пардонабельно.

Деламида. Пардонабельно любить мужа Ха! Ха! Ха! Вы ли, полно, это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не разонабельны были.[2]

С большим искусством изображает писатель и непонимание одного героя другим. Один из героев комедии, Фатюй, как справедливо писал П. Н. Берков, даже «не понимает простых оборотов речи, употребляемых его собеседниками. На вопрос служанки Филеты, что у него нового, Фатюй отвечает: «Одни только башмаки, да и тех я не надел, очень тесны, жмут ноги, окупился» (явл. 2-е).[3]

Все эти средства достигают своей цели, придают «Ссоре у мужа с женою» подлинную веселость, делают ее героев смешными. Действительно смешны Оронт — трусливый и забитый женою, его суп-

---

[2] Русская комедия и комическая опера. М.; Л., 1950. С. 78.

[3] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. С. 36.

руга Салмина, их дочь, галломанствующая кокетка Деламида. Смешны и другие персонажи: подруга Деламиды Дюфиза, женихи — неуклюжий увалень Фатюй и петиметр Дюлиж. При этом все они олицетворяют те или другие пороки, тем самым смех, который они вызывают,— смех сатирический. Однако сатира поверхностна, осмеивая галломанию, легкомыслие и невежество своих героев, Сумароков не стремится показать глубину их «отрицательности». Они смешны, и только.

Совсем по-иному обстоит дело в комедиях второго типа, где зло в высшей степени серьезно, но не смешно. Сюда можно отнести среди прочих сумароковские комедии 1760-х гг., прежде всего пьесы о скупом («Лихоимец», «Опекун»), «Безбожника» М. М. Хераскова, «Мота, любовию исправленного» В. И. Лукина. Негативные персонажи в них гораздо масштабнее. Не случайно в этих комедиях, как правило, один отрицательный персонаж. Зло сосредоточивается в нем, рассматривается пристально и внимательно, в то время как в комедиях первого типа оно как бы рассеяно между многочисленными его носителями.

Для усиления отрицательного начала в герое существовало несколько возможностей. Первая состояла в его изображении как активного, энергичного. Злое начало, представителем которого данный персонаж является, представало таким образом деятельным и экспансивным.

Отрицательный герой начинает стремиться к распространению своего влияния на окружающих людей, нередко возникает мотив развращения, например в «Лихоимце» Сумарокова (Кащей принуждает своих слуг воровать) или в его же «Опекуне» (Чужехват доказывает служанке Нисе достоинства воровства). Зло, исходя от главного героя, стремится приобрести себе все новых и новых слуг. Наиболее отчетливо эта активность зла заметна в образе Злорадова из «Мота, любовию исправленного» В. И. Лукина. Злорадов распространяет зло не только из личной выгоды, а скорее из любви к нему. Более того, обманывая своего доверчивого друга Добросердова, он надеется, что тот в свою очередь станет разносчиком зла: «Ежели тебя проучу хорошенько, так и ты вперед таких же шалунов, каков теперь сам, проводить станешь...»[4]. Отрицательный герой, ценящий зло ради зла, становится здесь фигурой в чем-то демонической и зловещей.

Второй путь усиления темы зла состоял в его соотнесении с универсальным планом. Отрицательный персонаж тем или другим способом связывался с самыми общими и основополагающими ка-

---

[4] *Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е.* Сочинения и переводы. СПб., 1868. С. 58.

тегориями, прежде всего с Богом. Он оказывался злым не только по отношению к людям, но и по отношению к Богу. Явственно начинала звучать тема инфернального зла.[5] Как правило, комический злодей — безбожник и богохульник. Иногда богохулие странным образом сочеталось с лицемерием и ханжеством, как например, у скупых в комедиях Сумарокова. «... Небезразлично для характеристики взглядов Сумарокова,— писал по этому поводу П. Н. Берков,— то, что его скупой — богохульник и ханжа одновременно.»[6] Иногда же перед нами чистый безбожник, даже не прикрывающийся лицемерием. Таков, например, герой «героической комедии» М. М. Хераскова Руфин, которого родной отец называет «безбожником», или Злорадов из «Мота, любовию исправленного» В. И. Лукина, говорящий о себе: «Раскаяние и угрызения совести совсем мне не известны, и я не из числа тех простаков, которых будущая жизнь и адские муки ужасают».[7]

Мотив безбожия придавал отрицательным героям комедии особую глубину. Сумароковские скупцы, безбожник Хераскова, Злорадов — не просто плохие дворяне, крапивное семя или безнравственные люди. Они посягают на мировой порядок, содержат в себе глубокое универсальное зло, являются инфернальными злодеями. Пожалуй, наиболее отчетливо это «злодейское начало» выступает в комедии М. М. Хераскова «Безбожник». Руфин — поистине исчадие ада. Уже в первом же явлении его добродетельный брат Фидеон дает ему следующую характеристику:

Тони в своих грехах, нещастливый, тони
И добродетели устав позабывая,
Беспутствуй, пред людьми злодейства не скрывая.[8]

Руфинов отец, Леон, называет своего сына «фурией». Наконец, сам Руфин в большом монологе из IX явления восклицает:

И их стенанием мой веселится дух.[9]

Но герои, подобные Руфину, являясь глубоким обличением зла, были совершенно не смешны. При знакомстве с ними на устах зри-

---

[5] Связь отрицательных героев с инфернальным началом — довольно обычное явление в мировой литературе. Если говорить о драматургии, подобная связь в частности, легко обнаруживается в пьесах В. Шекспира. См. об этом: *Морозов М. М.* Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц // *Морозов М. М.* Избр. ст. и переводы. М., 1954. С. 179—222.

[6] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. С. 87.

[7] *Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е.* Сочинения и переводы. С. 40.

[8] *Херасков М. М.* Безбожник. М., 1761. С. 4.

[9] Там же. С. 17.

теля или читателя не появлялось ни тени улыбки. Правда, в «Опекуне», «Ядовитом» и «Лихоимце» Сумарокова еще есть в образах главных отрицательных персонажей (Чужехват, Герострат, Кащей) хоть какие-то элементы комизма. В Руфине же или в Злорадове и этих элементов нет. Данные образы перерастают рамки комедии, начинают соотноситься со злодеями трагедии. Иногда возникают почти текстуальные совпадения. Так, перед своей гибелью Руфин восклицает:

С великой горестью я кончу жизнь теперь,
Что всех вас погубить бессилен остаюсь.[10]

Почти о том же, только прозою и более низким слогом, говорит Злорадов: «Время впереди, а я его на то употреблю, чтобы всем вам погибель строить».[11] Тем же желанием мести, тем же злом проникнуты и последние слова Чужехвата из «Опекуна» Сумарокова: «Будьте вы, злодеи мои, прокляты и в сем веце и в будущем».[12] Но ведь с подобными проклятиями весьма и весьма часто исчезали из жизни трагические злодеи. Достаточно вспомнить Димитрия Самозванца Сумарокова:

Ступай, душа, во ад и буди вечна пленна!
Ах, если бы со мной погибла вся вселенна![13]

Связь с героями трагедий проявляется не только в соответствиях такого рода. Сама структура образа злодея в «Безбожнике» или «Моте, любовию исправленном» близка трагической. Л. Я. Гинзбург замечает по поводу отличия героев комедии от трагических персонажей: «Господствующее свойство в качестве принципа типизации — это принадлежность комедии. В классической трагедии основная структурная единица персонажа — не свойство, а страсть. Он не тип, а носитель страсти».[14] Но ведь именно страсть, а не свойство лежит и в основе образов Руфина и Злорадова. Так, Злорадов — лицемер, он постоянно обманывает окружающих. Но лицемерие для него — лишь средство удовлетворить страсть, страсть ко злу, к деланию зла. И у Руфина главное — не какое-либо свойство (лицемерие, безнравственность), а его преданность злу, любовь к нему, т. е. опять-таки страсть.

Такие герои ужасны, омерзительны, страшны, но никак не смешны. Если в ранних комедиях Сумарокова, в раннем «Недорос-

---

[10] Там же. С. 27.

[11] *Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е.* Сочинения и переводы. С. 80.

[12] *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч. М., 1781. Т. 5. С. 54.

[13] *Сумароков А. П.* Избр. произведения. Л., 1957. С. 470.

[14] *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л., 1979. С. 124.

ле», в «Наказанной вертопрашке», т. е. в пьесах первого типа, персонажи были смешны и при этом незначительны, то тут отрицательные герои были совсем лишены веселости.

Так обстояло дело с обличением зла в русской комедии до появления «Бригадира». Фонвизинская пьеса изменила эту ситуацию. В ней драматург сумел соединить лучшие стороны предшествующих традиций — его комедия была одновременно смешной и страшной.

То, что «Бригадир» смешон, не требует особых доказательств. Достаточно вспомнить спор героев комедии, у всех ли людей Бог пересчитал волосы на голове или только у особ первых пяти классов, их же разговоры, знает ли Бог «Табель о рангах» или же для него, как считает бригадирша, «генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге»,[15] Смешны ситуации, в которые попадает герой, смешны их мысли, смешны их слова. Даже трудно привести примеры из «Бригадира», ибо еще Н. И. Новиков писал, что в нем «острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице».

Стихия смеха сближает «Бригадира» с комедиями первого типа. К ним приближает пьесу Фонвизина и рассредоточенность зла: в произведении много (точнее пять) отрицательных героев. И это отличает его от сумароковских комедий 1760-х гг., от «Безбожника» Хераскова и «Мота, любовию исправленного» Лукина с их единственным крупным «злым» персонажем.

Однако несмотря на всю веселость «Бригадир» и крайне серьезен, в чем-то даже трагичен. «На первый взгляд „Бригадир",— справедливо писал К. В. Пигарев,— веселая комедия. Однако если вдуматься в образы Иванушки и советницы, то они покажутся нам не столько комичными, сколько страшными».[16] В этих словах исследователя содержится и указание на главный источник серьезности зла в «Бригадире» — это Иванушка и советница, особенно Иванушка.

Действительно, Иванушка, пожалуй,— самый отрицательный герой комедии. Его отец, мать, его предполагаемый тесть — социальные и нравственные уроды. Но Иванушка в своем зле далеко опередил их. Все отрицательные персонажи комедии попирают самые естественные нормы человеческого общения, но никто не делает это так вызывающе, как он. В частности, очень важным здесь оказывается отношение Иванушки к родителям.

«Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долго-

---

15 *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: в 2 т., М.; Л., 1959. Т. 1. С. 50. В дальнейшем при цитировании этого издания страницы указываются в тексте.

16 *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 94.

летен будешь на земли» — эта заповедь казалась незыблемой для XVIII столетия. Современник Фонвизина Тихон Задонский, столь любимый позднее Достоевским, писал об этом в 1771 г., т. е. менее чем через 10 лет после появления «Бригадира»: «Должны дети родителей своих любить от чистого сердца и к ним благодарными быть: яко от них на свет родилися и воспиталися. К сему естественный закон и совесть всякого убеждает».[17] Непослушание родителям, неуважение к ним — преступление страшное и непростительное. «Беззаконным детям,— замечает тот же Тихон Задонский,— которые родителей своих не почитают, страшные казни в законе Господни определены».[18] Не случайно в литературе, например, в трагедии повиновение отцу воспринималось как святая обязанность человека. А Херасков, желая до конца обнажить сатанинскую сущность своего «безбожника», заставляет его в финале комедии покуситься на жизнь отца. То же видим и в случае с Иванушкой в «Бригадире» — его отношение к родителям противоположно моральным законам эпохи и вполне созвучно поведению херасковского Руфина. В начале он ограничивается насмешками над ними, сожалениями, что они живы, и заявляет: «Я индиферан во всем, что надлежит до моего отца и матери» (с. 54). Но затем, в конце 2-го действия, он уже говорит о своей решимости вызвать отца на дуэль. При этом если советнице хотя бы совестно в глаза Иванушке ругать его родителей, если она удивлена его намерением драться с отцом, то Иванушка считает свое поведение не просто естественным, но даже похвальным. Мысль, что он поступает ненормально, и не приходит ему в голову.

Итак, Иванушка — наиболее отрицательный персонаж комедии. При этом, отличаясь особой «злостностью», он одновременно смешон не менее своего отца, матери, возлюбленной. Но за смешными его сторонами проглядывают черты страшные, и герой начинает соотноситься с универсальным, инфернальным планом. Зло, носителем которого он является,— зло абсолютное, угрожающее миру в целом. Только в «Бригадире», в отличие от предшествующих комедий, эта соотносимость с универсальными категориями не разрушает комизма, не противоречит структуре комедии.

Синтез смешного и серьезного достигается в произведении прежде всего благодаря определенной неявности соотнесения персонажа с абсолютным злом. Эта связь, хотя и заметная, существует,

---

[17] Творения Тихона Задонского. М., 1899. Т. 3. С. 393.

[18] Там же. С. 394.

так сказать, в подтексте. Драматург по существу эксплицитно нигде не выражает инфернальное зло, прибегая в данном случае к имплицитным средствам. Среди них едва ли не основную роль играет речевая характеристика героя.

Говоря о комическом жанре 1750—1760-х гг., П. Н. Берков отмечал, что героев «во всех тогдашних комедиях... характеризуют не действия, а слова».[19] Слова характеризуют и злую сущность Иванушки, его связь с инфернальным началом. Дело в том, что в речах героя постоянно встречается упоминание нечистой силы. Так, например, в 3-м явлении 1-го действия, одном из первых, где мы знакомимся с героем, Иванушка чертыхается непрерывно: «Черт меня возьми», через несколько реплик «pardieu», на следующей странице «Черт ли видит то», в следующей реплике «pardieu», вскоре снова «Черт меня возьми». Здесь черт упоминается особенно часто, но и в других сценах с участием Иванушки слово это не остается забытым.

А чертыхание — это не просто особенность речи. Вернее, данная особенность речи прямо и весьма нелицеприятно характеризовала в XVIII в. внутреннюю сущность человека. Табу на упоминание нечистой силы было вполне живо в то время. Недаром бригадирша пугается, слыша чертыхающегося сына:

Сын. Черт меня возьми, ежели это не правда.
Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься, опомнись! Вить чертом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько (с. 67).

Чертом действительно не шутили. И упоминание его означало его призывание, говорило о том, что человек уповает не на бога, а на дьявола, является тем самым принадлежностью мира абсолютного зла.

То, что Иванушка не только смешон, но и страшен, в какой-то мере ощущается и персонажами комедии, например, как это ни странно, советницей. В своем первом разговоре наедине с Иванушкой (3-е явление 1-го действия) она говорит: «Переменим речь, je vous en prie, мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят» (с. 55). Речь здесь, казалось бы, идет о Бригадирше, о которой говорил сын. Но и общая ситуация, и проявившийся ранее характер героя переадресовывают реплику Советницы ему самому. На черта похож именно Иванушка.

Зло, носителем которого является Иванушка, оказывается, таким образом, серьезным в высшей степени. Однако имплицитность

---

[19] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. С. 111.

способов соотнесения героя с абсолютным злом позволяет сохранить в комедии атмосферу веселости и смеха. Ужасая, заставляя серьезно задуматься, «Бригадир» вызывает одновременно и улыбку. Так драматургу удалось соединить в своей пьесе две тенденции, ранее существовавшие изолированно,— создать пьесу смешную и страшную одновременно. Здесь «Бригадир» предвосхищает «Недоросля», а если смотреть дальше, то и творчество Гоголя, а возможно и Достоевского, писателя несмешного, но ценившего Фонвизина и обладавшего даром соединять конкретное, бытовое с универсальным.

21 Заказ № 3417